

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМСТВА ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРИЗРЕНИЯ ПОКИНУТЫХ МЛАДЕНЦЕВ

Во второй половине XIX – начале XX в. в России в связи с демографическим взрывом увеличилось количество брошенных детей. В газетах стали обычными такие сообщения, как, например, следующее: «3 августа в Сокольниках дворником дачи Дуркина поднят подкинутый младенец женского пола, около двух недель от рождения. В пеленке младенца была найдена записка со словами: “Крещен, имя Мария”. Младенец отдан в Воспитательный дом»¹. Отказывались от детей из-за бедности, желая скрыть «позор», сохранить в тайне появление на свет незаконнорожденного ребенка, из-за отсутствия условий, позволяющих оставить его при себе.

В 1840–1850-е гг. в приказы общественного призрения дети-подкидыши попадали довольно редко: чинам полиции вменялось в обязанность строго следить за всеми случаями подбрасывания младенцев. Приказы принимали их только в виде исключения, в том случае, если их обнаруживала полиция. В Курской губ. при передаче богоугодных заведений в ведение земства выяснилось, что за 12 лет (1847–1866 гг.) было принято для призрения лишь 27 младенцев, из них 19 было отдано для призрения частным лицам, 5 содержалось при богадельне, 3 умерло². На примере Курского земства особенно наглядно видно, насколько тернистым был путь освоения земством функций учреждения, обеспечивающего призрение детей-подкидышей. В 1866 г. Курское губернское собрание, исходя из незначительного поступления подкидышей в предыдущее время, постановило открыть воспитательный приют всего на 10 подкидышей. Но уже на втором году существования воспитательного дома в него вместо 10 подкидышей поступило 252. В переполненном приюте резко увеличилась детская смертность. Частные лица неохотно брали детей на воспитание (ими было взято всего 11 младенцев). Произошло это потому, что, не имея опыта работы по опеке младенцев, земские деятели обставили передачу их на воспитание довольно строгими условиями. Воспитатель обязан был причислить подкидыша к своей семье, а также внести в губернскую управу определенную денежную сумму, затраченную земством на его содержание. Выяснив, что согласных на таких условиях очень мало, губернское собрание постановило не только не требовать никаких денег с тех, кто соглашался брать на воспитание младенцев, но, напротив, выплачивать им вознаграждение. Отменялось и обязательство воспитателей причислять подкидышей к своим семьям³.

Обнаружив, что среди подкидышей было много законнорожденных, причем частыми стали случаи отказа от детей 7-летнего возраста, губернская управа предложила вовсе закрыть приют, служивший к тому же практически только для жителей Курска. Но земское собрание, руководствуясь тем, что «достоинство губернского земского учреждения заставляет его продолжать начатое дело и всеми мерами достигать удовлетворительного результата по содержанию и призрению подкидышей», решило приюта не закрывать, выделив на его содержание не 4 330 руб., как намечалось управой, а 9 тыс. руб. Это способствовало тому, что в 1872–1878 гг. количество питомцев земства заметно возросло. К началу 1878 г. в приюте их насчитывалось 54, а отданных на воспитание с платой за призрение – 190. С 1878 г. приют приобрел характер воспитательного заведения, на попечении которого дети находились до 14-ти лет⁴.

Определенная специфика в организации призрения покинутых младенцев имела в Орловской губ. Орел был расположен на пересечении нескольких железнодорожных магистралей, и массовое скопление народа приводило к еще большему увеличению

* Чвикалов Алексей Иосифович, кандидат исторических наук, доцент Воронежского филиала Российского государственного социального университета.

численности брошенных младенцев. Относительная же близость Москвы создавала соблазн переправлять подкидышей в воспитательные дома первопрестольной⁵. К чести Орловского земства, оно не поддалось такому соблазну, и уже в 1868 г. отправка подкидышей в Москву полностью прекратилась⁶. Но это потребовало от Орловского земства значительного увеличения ассигнований на их призрение. Они были в несколько раз больше, нежели в других губерниях, расположенных недалеко от Москвы (к примеру, в Тульской). «Вопрос о судьбе подкинутых детей и, в частности, вопрос о расходах на их воспитание... является для Орловской губернии не новым..., – отмечал в 1908 г. в докладной записке губернатору председатель орловской губернской управы. – Существовавшие в 60-х годах в течение нескольких лет, по распоряжению орловского губернатора Левашова, люльки для опускания в них подкинутых детей и, в особенности, хороший уход и вполне удовлетворительные результаты деятельности грудного отделения сделали то, что в то время, как другие, соседние с Орловской, губернии тратили через 30 лет после введения земских учреждений на воспитание подкидышей от 12 до 15 тыс. руб. в год, в частности, Тульское земство..., Орловское земство, начав с 20 417 руб., достигло в 1896 г. – 42 тыс. руб., а ныне – 69 364 руб.»⁷.

Но не все было так просто и у орловского земства. В 1897 г., обсуждая данную проблему, гласные отмечали неуклонный и систематический рост числа подкидышей и расходов на их воспитание. При этом они высказывали самые разнообразные соображения, начиная с требования возобновить отправку младенцев в Московский воспитательный дом и кончая предложением совершенно прекратить прием подкидышей и добиться от администрации установления надзора за людьми, подкидывающими детей. В конечном счете, Орловское земство все же пришло к выводу, что «вскармливание подкинутых детей в губернии, при правильной организации дела и надлежащем надзоре, представляется менее трудным, чем в столице, и более человеколюбивым по отношению подкинутых младенцев». Соответственно, как минимум до 2-х лет их следовало оставлять в губернии, и лишь в исключительных случаях, когда, например, не хватало помещений, допускалась отправка вскормленных уже младенцев в Московский воспитательный дом. Если же ведомство императрицы Марии не могло их принять, то оно, по мнению земцев, должно было «оказывать земствам пособие, сообразно числу подкидышей в размере действительных расходов по дальнейшему воспитанию подкидышей из сумм государственного казначейства и особо для сего установленных благотворительных сборов»⁸.

Однако данное предложение не нашло поддержки в правительстве. 31 января 1899 г. министр внутренних дел, отметив, что ведомство императрицы Марии «еще с 80-х годов... стремится не к расширению, а к ограничению действий императорских воспитательных домов», обещал учесть предложение орловчан при разработке нового законопроекта об общественном призрении. В нем, в частности, предполагалось при «более точном распределении обязанностей по призрению как земских, так и городских общественных управлений, ...предоставить возможность более широкого притока средств на нужды призрения»⁹. Но пересмотр законов об общественном призрении так и не был осуществлен, и земствам приходилось рассчитывать на собственные силы.

В конце XIX – начале XX в. ситуация с призрением подкидышей оставалась довольно сложной, число их постоянно увеличивалось (помимо прочего сказывались последствия голода, русско-японской войны, революции 1905–1907 гг.). По данным Воронежской губернской управы, в 1901 г. в приют поступило 178 детей, в 1902 г. – 197, в 1903 г. – 237, в 1904 г. – уже 365, в 1908 г. – 544. Затем число поступивших значительно снижается, но в 1911 г. вновь достигает 547, а в 1912 г. – 580 детей¹⁰. Такая же тенденция наблюдалась и в других губерниях Центрального Черноземья, где количество детей, находящихся на попечении земства, как правило, ежегодно увеличивалось. В Курской губ. в 1900 г. земством призревало 177 детей, в 1901 г. – 195, в 1902 г. – 246, только в 1903 г. их оказалось немногим меньше (232). Но вскоре опять происходит резкое увеличение числа подкидышей: в 1906 г. оно составило 369, в 1907 г. – 395 детей, в 1910 г. – 482 ребенка¹¹.

Основной контингент подкидышей прибывал из губернских центров. К примеру, в Курской губ. в 1906 г. из губернского города их поступило 279, с железнодорожных станций – 41, из Щигровского уезда – 15, из слободы Ямской – 10, из Курского уезда – 5, от остальных уездов – от 4-х до 1-го подкидыша (из Белгородского, Корочанского, Новооскольского и Грайворонского уездов их вообще не поступало). Таким образом, дети, доставленные в приют из Курска и примыкавшей к нему слободы Ямской, а также с железных дорог составляли почти 90%¹². Причем, хотя земские детские приюты разрешали матерям внебрачных детей устраивать своего ребенка в приют официально, на законных основаниях, основная масса детей поступала туда как подкидыши, доставленные полицией. Среди детей, доставленных в 1912 г. в Воронежский земский приют, такие дети составили 80%¹³.

Доставленным в приют младенцам приходилось срочно оказывать медицинскую помощь, так как все они были ослабленными, а нередко и совсем больными. Возраст младенцев, попадавших в приют, как правило, не благоприятствовал их выживанию. Так, в 1904 г. в Воронежский земский детский приют поступило 159 младенцев в возрасте до одной недели (43.5% от общего числа поступивших) и еще 153 – в возрасте до одного месяца¹⁴. Такой возраст был весьма опасным для выживания в условиях приюта. К тому же многие подкидыши не имели необходимого веса. Почти 14% детей, поступивших в Курский приют в 1906 г. в возрасте до 1 недели весили меньше 2.5 кг, от 2.5 до 3-х кг – около 37%, больше 3-х кг – чуть более 49%. «Вес наших детей в общем очень низок, – отмечала Курская губернская управа, – средний вес доношенных новорожденных детей, по крайней мере по западноевропейским данным, равняется 3 250 г. Этой средней цифре удовлетворяет разве только последняя наша группа, т.е. менее половины всех покинутых детей. Что касается первой нашей группы, то она состоит главным образом из... детей с наследственной слабостью. Такие дети выживают только при особенно благоприятных условиях»¹⁵.

Земства в меру своих сил и возможностей старались создавать для подкидышей благоприятные условия. Первостепенной задачей становилась проблема питания детей, так как выживаемость подкидышей во многом зависела именно от того, какой выбран способ вскармливания младенцев: грудной или искусственный. Искусственное питание значительно увеличивало их смертность, в чем земства убеждались на собственном опыте. Ревизия деятельности Курского земства сенатором Н.А. Зиновьевым, выявила, что опыт искусственного вскармливания «дал весьма печальные результаты: из 50 подкидышей, вскармливаемых искусственно, умерло 35, т.е. 70%, тогда как из 187, вскармливаемых грудью, умерло всего 64, т.е. 34%»¹⁶. Учитывая это, Курское земство пошло на значительные расходы для увеличения количества кормилиц в детском приюте. Если в 1900 г. их ежедневно было в приюте в среднем 10, в 1901 г. – 12, в 1902 г. – 14, то в 1903 г. уже 20 человек¹⁷. В 1907 г. кормилицы провели в Курском приюте 19 276 дней (т.е. ежедневно в приюте было около 53-х кормилиц). На каждую из них приходилось примерно по двое детей¹⁸.

Процесс подбора и содержания кормилиц или, как их называли, «мамок» был непростым делом. Ревизионная комиссия Воронежского губернского земского собрания в 1905 г. нашла цифру стоимости годового (344 руб. 44 коп.) и ежедневного (34 коп.) содержания ребенка в приюте слишком большой и непосильной для земства. При этом комиссия предлагала прежде всего сократить расходы на кормилиц. «Такая большая стоимость содержания, – отмечалось в докладе, – обуславливается главным образом расходом на кормилиц – искусственные способы вскармливания практикуются мало». Свое предложение сократить количество кормилиц комиссия аргументировала тем, что «соблазненная платой, кормилица нанимается кормить чужого ребенка, оставляя своего очевидно в крайней опасности; во всяком случае, ребенок в хорошо обставленном приюте, к услугам которого научные способы искусственного кормления, даже вскармливаемый искусственно, находился бы в меньшей опасности, чем оставленный кормилицей в деревне, вскармливаемый жеваным хлебом и тому подобными способами». Исходя из этого, «комиссия полагала бы необходимым строго придерживаться

правила нанимать кормилиц лишь тогда, когда их собственные дети достигли возраста не менее года»¹⁹.

Заключения комиссии относительно неразумности привлекать тех кормилиц, собственный ребенок которых находился в возрасте до 1-го года, были весьма резонными. Но на деле руководство приюта сталкивалось при этом с большими затруднениями. Строго придерживаясь данного правила, приют остался бы вовсе без кормилиц. Как указывал заведующий приютом А.А. Романов, все кормилицы при найме заявляли, что их ребенку меньше года. Если же им говорили, что тогда их нельзя принять в приют, то давался другой ответ: «мой ребенок умер» или «ребенку годик, он уже ходит». Документов о времени рождения своего ребенка кормилицы никогда не предъявляли. В заключение Романов задавал риторический вопрос: «Спрашивается, каким показаниям верить? Первым или последним, может, вынужденным необходимостью зарабатывать?»²⁰. Таким образом, земство, сохраняя жизнь младенцев в приюте, рисковало нанести вред здоровью, а то и способствовать смерти ребенка кормилицы. Конечно, можно было предположить, что кормилица передала своего ребенка для кормления грудью родственнице или иногда сама подкармливала его, если ребенок слабел. Во всяком случае, ребенок, имевший мать, находился в более благоприятных условиях, чем круглая сирота в приюте²¹. Между тем искусственное вскармливание подкидышей было не только опасно для их жизни, но и недешево, особенно при научной его организации. По расчетам Воронежской губернской земской управы, для этого потребовалось бы содержание собственной молочной фермы, наем дополнительного персонала нянек, увеличение численности медицинских сестер и т.д. В итоге, «получалась бы цифра, мало отличающаяся от той, которая обуславливает большую стоимость содержания кормилиц»²².

Вследствие этого, большинство земского собрания не поддержало предложения ревизионной комиссии о сокращении числа кормилиц в детском приюте. Напротив, 14 марта 1905 г., «в виду увеличения числа поступающих в детский приют подкидышей» и «в целях увеличения кормилиц означенного приюта и улучшения их материального положения», оно постановило: «1) штат кормилиц в приюте увеличить до 60 и соответственно этому количеству заготовить белье и другие вещи для детей и кормилиц; 2) кормилицам, прослужившим в приюте не менее года, выдавать награды одеждою и бельем, ценностью в 10 руб..., на что внести в смету 100 руб.»²³. Увеличение числа кормилиц сыграло важную роль в уменьшении смертности младенцев в наиболее трудный для них период (до 1-го года).

Другой задачей, которую приходилось решать земству при обеспечении призрения подкидышей, являлась передача детей на воспитание частным лицам. В начале XX в. в Центральном Черноземье земства руководствовались практически одинаковыми правилами оформления передачи детей на воспитание, схожи были и условия оплаты труда воспитателей, контроль за их деятельностью, способы определения дальнейшей судьбы воспитанников по мере их взросления.

Из приюта Курского губернского земства мальчики и девочки отдавались желающим на воспитание с оплатой по 3 руб. в месяц за содержание грудного ребенка до 1-го года. Если ребенок доживал до годовалого возраста, то за каждый месяц, прожитый им у воспитателей до этого момента, дополнительно выдавалось по 1 руб. От года до 6-ти лет выделялось по 36 руб., а с 6-ти до 12-ти лет – по 24 руб. в год. После 12-ти лет плата прекращалась. Если воспитанник поступал в школу, то ему полагалось единовременное пособие в 10 руб. В таком же размере он получал пособие и после окончания школы. В случае усыновления питомцев, воспитателям, помимо обычной платы, выплачивалось вознаграждение в 25 руб. Питомце, вышедшей замуж также единовременно предоставлялось 25 руб.²⁴ Такая же система поощрения воспитателей практиковалась в Тамбовской и Воронежской губерниях. Кроме того, 14 марта 1905 г. решением Воронежского губернского собрания управе было поручено увеличить плату за воспитание питомцев, у которых обнаруживались патологические нарушения в развитии²⁵.

Земства тщательно продумывали систему материального поощрения воспитателей, серьезно относившихся к младенцам и старавшихся сохранить им жизнь. Вместе с тем практика передачи подкидышей на воспитание выявила множество непредвиденных проблем, которые осложняли и без того трудную задачу содержания младенцев. В частности, и здесь, как и случае, когда младенцы находились в приюте, возникала проблема их полноценного питания. Воронежское губернское земство пыталось ввести такой порядок, при котором дети отдавались на дом к тем воспитательницам, у которых свой ребенок умер. Но, когда приют переполнялся, от этого приходилось отступать. Тогда дети передавались и тем воспитательницам, у которых ребенку было не менее года, имелась своя корова, а количество молока у кормилицы при нескольких взвешиваниях было в среднем не менее 50 грамм²⁶.

Конечно, радикальным и наилучшим способом решения вопроса призрения подкидышей была передача их на постоянное попечение, в дети. В Воронежской губ. усыновленных и удочеренных детей в 1909 г. было 65 человек, в 1910 г. – 77, в 1911 г. – 66, что, впрочем, не удовлетворяло земских деятелей²⁷. Курское земство при передаче детей на воспитание столкнулось с такой проблемой, как превращение частью населения губернии воспитательного дела в некий промысел. В 1903 г. из 310 младенцев, взятых на воспитание, 270 приходилось на селения Курского уезда, в том числе 170 – на одно с. Дьяково. Ревизия Зиновьева показала, что такое сосредоточение питомцев в небольшом поселении «дурно отзывалось на содержании питомцев»²⁸. К такому же выводу пришла в 1908 г. и губернская управа, которая объясняла большую смертность принятых на воспитание детей в Курском уезде тем, что здесь детей принимали не ради их самих, а по расчету. В качестве доказательства данного факта управа ссылалась на ту «необыкновенную тщательность, с какой воспитатели из других уездов выбирают себе детей в приюте»: «Для них приходится, выражаясь фигурально, перерыть весь приют, чтобы найти подходящего ребенка. Совсем иначе относятся к этому делу воспитатели из Курского уезда и в особенности из с. Дьяково: они берут первого предложенного ребенка»²⁹. Но очевидно, что у такой «специализации» были и свои преимущества: население таких сел приобретало определенный опыт воспитания детей, что в ряде случаев положительно сказывалось на их выживании. В том же Дьякове в 1908 г. смертность была меньше, чем в соседних селах. «Можно только удивляться, – отмечала по этому случаю управа, – что с. Дьяково, которое наименее требовательно в этом отношении, дало в отчетном году даже меньшую смертность грудных детей, чем другие селения Курского уезда»³⁰.

В Воронежской губ. на вскармливании покинутых младенцев «специализировался» Землянский уезд. На 1 января 1906 г. из 864 питомцев, находившихся на воспитании в деревнях, 598 (69.2%) находились в Ендовищенской волости, по 140 – в Перлевской и Фомино-Негачевской, 76 – в Хвощеватской (в остальных – от 1 до 25 детей). Таким образом, и здесь имела место явная специализация волостей и сел на выхаживании детей. Конечно, определенную, хотя и не решающую, роль играл территориальный фактор. В удаленных от Воронежа уездах (Павловском, Бобровском и др.) воспитывалось от 3-х до 5-ти детей, а в Богучарском – самом отдаленном от губернского города – вообще не было ни одного воспитанника. С другой стороны, в Воронежском уезде на воспитании находилось 138 детей, т.е. в 4.5 раза меньше, чем в более далеком Землянском³¹.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в каждом городе постепенно росло число младенцев, поступивших из других губерний. Так, если в 1906 г. из Воронежской в другую губернию было взято только 2 младенца, то в 1912 г. – уже 45 (19 – в Орловскую, 12 – в Тамбовскую, 5 – в Курскую, остальные – в Рязанскую, Саратовскую, Тверскую, Херсонскую, Люблинскую, Черниговскую)³². Во многом это объяснялось намерением усыновить ребенка и желанием избежать в будущем возможных эксцессов, связанных с попытками кровных родителей заявить о своих правах.

Весьма характерно, что основная масса воспитанников находились в семьях со средним достатком, небогатых и даже бедных. По данным Воронежского земства, в 1912 г. в них жило почти 79% всех воспитанников³³. Очевидно, существенным мотивом

вом в принятии решения о приеме детей на воспитание был материальный интерес. Отношение к питомцам обычно было доброжелательным, хотя встречались и недобросовестные воспитатели. Проверки, проведенные в 1912 г. Воронежским земством, показали, что в 5-ти случаях воспитательницы брали детей на чужое имя, в 4-х случаях дети воспитательницы, якобы умершие, оказывались живы, в 11-ти случаях был обнаружен плохой уход и кормление жвачкой. Если нарушения по уходу были серьезные (например, кормление жвачкой), детей у воспитателей отбирали. В 1912 г. по результатам проверки, осуществлявшейся фельдшерицами 3 раза в году, в Воронежской губ. у воспитателей забрали 289 детей³⁴.

Земские деятели старались постоянно улучшать и условия содержания подкидышей. Довольно показательным в этом отношении было строительство здания для приюта детей-сирот в Воронежской губ. В 1876 г. после смерти жены и сына отставной гвардейский поручик Ф.Н. Вигель завещал свою усадьбу губернскому земству с условием, чтобы в доме была устроена бесплатная женская больница с родовспомогательным отделением для неимущих. В 1878 г. земство перевело в дом Вигеля приют для подкидышей³⁵. В декабре 1898 г. по предложению гласного М.А. Лутовинова на территории усадьбы Вигеля решили разместить губернскую земскую управу, куда в 1902 г. она и переместилась, оказавшись на одной территории с детским приютом. Для приюта это было весьма полезно, поскольку члены управы всегда помнили о детях-сиротах. В декабре 1899 г. по предложению управы в усадьбе началось строительство нового двухэтажного здания приюта для подкидышей (на это было выделено 23 776 руб.). С 1910 г. управа приступила к постройке дома для возвращаемых питомцев, на что в течение 4-х лет ежегодно расходовалось по 600 руб. В 1911–1913 гг. на строительство прачечной и капитальный ремонт приюта было ассигновано 6 632 руб.³⁶

Забота земства о подкидышах, по-видимому, сказалась на сокращении среди них смертности. В Воронежской губ. она особенно резко сократилась (с 40,8% в 1900 г. до 10,9% в 1904 г.) среди подкидышей, находившихся в приюте³⁷. Конечно, в условиях эпидемии, голода или при социальных катаклизмах нередко происходили рецидивы роста смертности младенцев, особенно тех из них, кто воспитывался в деревне. Но то, что благодаря земству многим детям была сохранена жизнь, следует признать его бесспорной заслугой.

При этом земства стремились не только помочь подкидышам выжить, но и оказать им помощь в обустройстве своей жизни после пребывания в сиротском приюте. Земства, совместно с городскими органами самоуправления и благотворительными учреждениями, решали проблемы трудоустройства сирот. Так, 16 августа 1875 г. в Орловскую управу поступили от В.А. Квитницкого и В. Найрадского 2 прошения о передаче на их содержание на 7 лет 4-х воспитанников приюта 11–12-ти лет для освоения портновского и столярного мастерства. Защищая интересы подростков, управа обязала Квитницкого и Найрадского строго соблюдать условия договора об обучении. В частности, наниматели должны были снабдить своих учеников «на первое время необходимою одеждою и обувью, а именно выдать каждому по одной паре верхней – летней и зимней одежды, по одной паре чулков и сапог, по две пары разного белья», в течение же последних 3-х лет ученичества платить им жалованье (по 10–15 руб. серебром каждому)³⁸.

Тамбовское земство придавало большое значение проблеме образования сирот. Еще в 1867 г. при разработке правил сиротских приютов губернская управа указывала, что сироты должны учиться сперва в самих сиротских домах, а затем в мужской или женской гимназии. «Тех из них, которые окажутся неспособными к учению», предполагалось «определять... в обучение ремеслам, для чего губернская управа полагает избрать, из живущих в Тамбове ремесленников или мастериц, пользующихся хорошою репутациею, и заключить с ними контракты, для обучения воспитанников или воспитанниц, с платою или бесплатно». Более того, тамбовские земцы хотели дать сиротам шанс получить не только начальное и среднее, но и высшее образование. Правилами, в частности, предписывалось по окончании курса гимназии мальчикам, «оказавшим

особые способности к наукам и отличные успехи, давать пособие для прохождения курса в университете, или в ином каком-либо высшем специальном заведении, другим ученикам выдавать единовременное пособие, при определении на службу или к иному какому-либо занятию, причем в приискании им места должна содействовать управа». «Тех из воспитанников, которые... окажут посредственные успехи в гимназии», следовало «определять в какие-либо сельскохозяйственные или другие технические учебные заведения, а также в местную фельдшерскую школу, типографские ученики, на фермы, в лавки, заводы и т.п.»³⁹. Правила эти не были простой декларацией. Тамбовская управа на деле проявляла заботу о сиротах и вникала в повседневную жизнь тех из них, кто учился в гимназии, следила за их успеваемостью, принимала решения о их дальнейшем обучении⁴⁰.

Традиция оказывать сиротам помощь в получении образования сохранялась в тамбовском земстве на протяжении нескольких десятилетий. Бывшие воспитанники сиротского дома во время обучения в высших учебных заведениях получали от земства стипендии. Так, А.Л. Трифонову она была предоставлена для учебы в Санкт-Петербургском техническом университете (с 1 августа 1889 г. по 1 октября 1903 г.), М.В. Волжанскому – в Санкт-Петербургском технологическом институте (с 31 августа 1889 г. по 16 января 1908 г.), Ф.И. Пацитову – в Харьковском техническом институте (с 1889 г. по 1907 г.), М.И. Покровскому – в Липецко-Романовской лесной школе (с сентября 1889 г. по 25 июля 1902 г.), В.А. Сладкопевцеву – в Московском университете (с 11 августа 1898 г. по 9 августа 1903 г.)⁴¹. Впоследствии при распределении помощи сиротам, желающим получить образование, губернская управа все больше стала взаимодействовать с уездными управами, попечительствами, обществами вспомоществования бедным учащимся. Крупные суммы на эти цели были выделены в 1911–1913 гг. учащимся Козловского, Елатомского, Кирсановского и Темниковского уездов⁴².

Примечания

¹ Московские ведомости. 1878. 5 августа.

² Краткий исторический очерк деятельности земства Курской губернии за XXXV-летний период 1866–1901. Курск, 1902. С. 55.

³ Отчет по ревизии, произведенной в 1904 г. сенатором Н.А. Зиновьевым. Т. 2. СПб., 1906. С. 155.

⁴ Краткий исторический очерк... С. 57.

⁵ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 672, оп. 1, д. 5159, л. 28 об. В феврале 1890 г. министр внутренних дел потребовал от губернаторов установить контроль за управлением покинутых детей в столичные воспитательные учреждения. Министр указывал, что император обратил внимание на большую смертность в воспитательных домах столицы, явившуюся следствием их переполненности. «Количество принимаемых в означенные дома младенцев постепенно с каждым годом увеличивается, – отмечал он, – вследствие сего младенцы доставляются в столичные воспитательные дома из некоторых губерний целыми партиями, что доставка эта получает характер преступного промысла, младенцы привозятся совершенно истощенными и потому скоро умирают».

⁶ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 299, л. 105.

⁷ Там же.

⁸ Там же, л. 2.

⁹ Там же, л. 2 об.

¹⁰ Составлено по: Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. Воронеж, 1904. С. 2; Отчет Воронежской губернской земской управы за 1910 г. Воронеж, 1911. С. 1122; Отчет по призрению покинутых детей в Воронежском губернском земстве за 1912 г. Воронеж, 1912. С. 3.

¹¹ Составлено по: Государственный архив Курской области (далее – ГА КО), ф. 4, оп. 1, д. 152, л. 19; Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. Курск, 1909. С. 621–622; Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1912. С. 97; Отчет по ревизии... Т. 2. С. 166.

- ¹² Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 622.
- ¹³ Отчет по призрению покинутых детей в Воронежском губернском земстве за 1912 г. С. 3.
- ¹⁴ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 7. В возрасте от месяца до года поступило 44 младенца, и только 9 детей были старше.
- ¹⁵ Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 622.
- ¹⁶ Отчет по ревизии... Т. 2. С. 165. Для сравнения следует отметить, что в земском Московском воспитательном доме в 1903 г. смертность среди детей, кормившихся родными матерями, составила без малого 20%, а среди детей, вскормленных кормилицами – почти 51% (всего в нем находилось 6 070 внебрачных детей). См.: Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 2.
- ¹⁷ Там же. С. 165–166.
- ¹⁸ Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 625, 720.
- ¹⁹ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 10.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Например, в 1910 г. у 138 кормилиц Воронежского приюта из оставленных ими дома детей умерло четверо, из которых один был оставлен на грудь, а трое (в возрасте 4 месяца, 8 месяцев и 1 год) – на рожок. Всего кормилиц, оставивших дома ребенка в самом раннем возрасте, было 6 (две солдатки, девица, женщина, не проживавшая с мужем, и две замужние, ссылавшиеся на большую нужду). См.: Отчет Воронежской губернской земской управы за 1910 г. С. 1123.
- ²² Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 11.
- ²³ Систематический свод постановлений губернского земского собрания. 1898–1913 гг. Воронеж, 1916. С. 799.
- ²⁴ ГА КО, ф. 4, оп. 1, д. 162, л. 18–20; Обзор Курской губернии за 1904 г. Курск, 1905. С. 77; Обзор Курской губернии за 1911 г. Курск, 1912. С. 97.
- ²⁵ Государственный архив Тамбовской области (далее – ГА ТО), ф. 143, оп. 1, д. 4100, л. 3; Систематический свод постановлений губернского земского собрания. 1898–1913 гг. С. 801.
- ²⁶ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 7.
- ²⁷ Отчет Воронежской губернской земской управы за 1910 г. С. 1123.
- ²⁸ Отчет по ревизии... Т. 2. С. 166.
- ²⁹ Журналы заседания XLIV очередного Курского губернского земского собрания с 7 по 20 января 1909 г. С. 625.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 8.
- ³² Отчет по призрению покинутых детей в Воронежском губернском земстве за 1912 г. С. 22.
- ³³ Там же. С. 23. Всего на воспитание было передано 1124 ребенка. Из них 100 росли у зажиточных воспитателей, 193 – в семьях среднего достатка, 392 – в небогатых, 299 – в бедных, а 9 – в очень бедных. Обеспеченность воспитателей остальных 129 детей не была выяснена.
- ³⁴ Там же. С. 22.
- ³⁵ Акиншин А.Н., Зайцева А.А., Попов П.А., Чернявская Е.Н. Улица Войцеховского, дом 24 // Историко-культурное наследие Воронежа. Материалы свода памятников истории и культуры РФ. Воронеж, 2000. С. 179.
- ³⁶ Систематический свод постановлений губернского земского собрания. 1898–1913 гг. С. 804–805.
- ³⁷ Отчет по призрению покинутых детей Воронежского губернского земства за 1904 г. С. 8.
- ³⁸ ГА ОО, ф. 710, оп. 1, д. 2, л. 1–3.
- ³⁹ Сборник земских известий по Тамбовской губернии. Вып. 1. С. 153.
- ⁴⁰ Там же. С. 148.
- ⁴¹ ГА ТО, ф. 143, оп. 1, д. 4114–4115, 4117–4119.
- ⁴² Там же, д. 4102, л. 2–3.